

^{1,2}*Е. В. Рахилина*

¹*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

²*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ В СВЕТЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ ОШИБОК¹

На корпусном материале в статье рассматриваются распространенные ошибки в русской конструкции сравнения — с теоретической и типологической точек зрения. Используются данные корпуса Академического письма и Учебного корпуса, содержащего тексты изучающих русский язык как иностранный. Выявлены «слабые места» и «точки роста» этой конструкции. Показано, что наблюдаемая вариативность и изменения в узусе в целом ожидаемы: они упрощают имеющуюся в русском модель сравнения в соответствии с другими типологически релевантными конструкциями.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, грамматическая норма, грамматика ошибок, русский язык как иностранный, корпус эритажных текстов

Введение

Привычно представление о грамматике как о каноническом своде правил, который описывает те значения в нормативном варианте данного языка, которые выражаются грамматическими средствами. Традицию такого описания для русского заложил еще М. В. Ломо-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

носов, и она исправно воспроизводилась до последнего издания Академической грамматики русского языка (1980). В сегодняшних условиях, используя новые возможности, которые получила лингвистика, естественно было бы обновить контекст описываемых в канонической грамматике явлений за счет диахронического, типологического, корпусного и статистического «расширений» каждого из них — иными словами, учесть происхождение и прежний круг употреблений всех грамматических маркеров, их типологические особенности, статистику употреблений по жанрам и в соотношении с другими показателями. Полностью эту программу выполнить нелегко, хотя до некоторой степени она уже отражается в новом проекте русской корпусной грамматики *rusgram.ru*, которая создается на базе НКРЯ и других ресурсов.

Есть, однако, и более радикальные проекты, принципиально меняющие точку зрения на грамматику как таковую, лишаящие ее, так сказать, привычного облика. Среди них — идея наряду с грамматической нормой для каждой грамматической зоны описывать еще и не-норму, то есть наиболее характерные, частотные, стандартные для нее отклонения-«ошибки».

Сама по себе идея грамматики ошибок не так уж нова: полноправным объектом исследования ошибки предложил считать в своей знаменитой книге еще Анри Фрей в 1929 году (см. недавно вышедший перевод Фрей 2006). В отношении русского языка большая работа в этом направлении ведется Отделом современного русского языка ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, сотрудники которого уже давно изучают особенности языка русского зарубежья и разговорной нормы в этом отношении — т.е., собственно, отклонения от стандарта — или «ошибки» в этих вариантах русского (см., например, Гловинская и др. 2008). Серьезный всплеск интереса к разговорной речи произошел сравнительно недавно — нельзя не упомянуть работы Степанова 2008, Русакова 2013 и др. Параллельно ведутся работы над изучением детской речи (см. прежде всего работы группы С.Н. Цейтлин, а также Воейкова 2011 и др.) и языковым поведением иностранцев, изучающих русский.

Несмотря на очевидный количественный рост и бесспорную значимость работ такого рода, они все еще остаются фрагментарными. Между тем для русского (как и для других языков) нужна такая «грамматика ошибок», которая бы последовательно отражала

системные отклонения в узусе самых разных типов говорящих. Эта задача (в другом контексте) обсуждалась еще в работе Mustajoki et al. 2010, который предлагал свой список лингвистически интересных нестандартных носителей. В него входили в том числе:

- Студенты, изучающие русский язык как иностранный (РКИ),
- Носители регионального русского,
- Носители так называемого «эритажного», или унаследованного русского (heritage Russian), на котором говорят дети эмигрантов, выросшие в иноязычной среде и унаследовавшие навыки родного языка от родителей,
- Дети и подростки,
- Взрослые носители стандартного русского в определенных обстоятельствах (например, студенты, овладевающие академическим письмом) и др.

С педагогической точки зрения изучение ошибок той или иной группы говорящих помогает усовершенствовать методику обучения языку: они дают информацию о том, в каких случаях и с какой частотой можно ожидать данные отклонения от нормы, позволяют их предвидеть, ранжировать и, в конечном счете, эффективнее преодолевать.

С теоретической точки зрения изучение ошибок тоже полезно: ошибки дают представление о действующих языковых правилах (см. нашу статью Рахилина 2014). Еще со времен структурализма лингвисты стали использовать так называемые отрицательные примеры (или «примеры со звездочкой»), для иллюстрации того, как нельзя сказать, обозначая границы, в которых действуют обсуждаемые закономерности. Обычно «неправильные» примеры искусственны: они специально сочиняются исследователем, который с их помощью защищает придуманное им правило. Между тем ошибки носителей предоставляют не сконструированный, а естественный отрицательный материал — можно сказать, «экологически чистые» примеры спонтанного поведения говорящего, нарушающего принятую языковую норму. Другое дело, что правила, которые они иллюстрируют, далеко не всегда известны и очевидны, они реконструируются именно благодаря сопоставлению с очевидными отклонениями от них, которые как раз представляют ошибочные примеры. Таким образом, в лингвистических исследованиях ошибки можно рассматривать как инструмент для поиска языковых правил — своего рода «правило-искатель».

Современная постановка проблемы требует, чтобы изучение языковых явлений опиралось на структурированные массивы данных, которые в частности, могут стать базой необходимой статистики — в нашем случае, это корпус текстов соответствующих носителей, представляющий свойственные им отклонения от стандартной нормы. Такие корпуса принято называть Learner corpora. Такой ресурс <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus> создается в рамках НКРЯ. Пока он не очень большой и включает в себя корпус текстов эритажных носителей с доминантным английским (американский вариант)¹, несколько десятков текстов от студентов РКИ, а также корпус Академического письма (студенческие письменные работы носителей русского языка — эссе, курсовые и под. различной профессиональной тематики).

В зависимости от вида текстов, меняется тип правил, которые можно обнаружить этим инструментом. Например, изучение ошибок-калек на подкорпусе эритажных носителей и РКИ позволяет сравнивать организацию лексических систем разных языков и выявлять принципы перестройки конструкций в условиях интерференции языков, и такие исследования нами уже проводились, см. Выренкова и др. 2014.

Другая задача — описать постепенную перестройку языковых конструкций как естественный процесс без непосредственного внешнего влияния. Решить ее можно только выстроив целую линейку корпусных ресурсов.

Во-пер , нужны корпуса детской речи (как правило, детей до 6 лет), помогают реконструировать стадии освоения языка ребенком. Для русского языка корпуса детской речи созданы (в виде базы данных), хотя и в недостаточном объеме, в рамках проекта CHILDES. Отсутствующий для русского ресурс — это корпус речи подростков, от 7–8 лет, причем прежде всего устной речи — как

¹ <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search>. Корпус создан как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М.С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса - Тимофей Архангельский. В состав корпуса входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian Learner Corpus of Academic Corpus), разработанного О.В. Киселевой и А.А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И.Е. Дубининой и Е.С. Денгубом.

кажется, он позволил бы наблюдать сразу и процессы конвенционализации синтаксических структур, которые берут начало в речи детей, и процессы языковых инноваций, свойственные взрослым носителям: не исключено, что главными инициаторами языковых изменений является именно это поколение носителей.

Вообще, корпус разговорной речи (к настоящему моменту больше 10 млн. словоупотреблений в НКРЯ — это очень много для ресурса такого качества, но и мало — для масштабных исследований) должен быть в перспективе стратифицирован по возрастам, точно так же, как сейчас исторический корпус разбит на подкорпуса по историческим периодам: тогда будет видна динамика изменений.

Ка мы можем только реконструировать этот процесс, т. е. оглядываясь назад (а не смотреть вперед) и описывать то, что фактически в нашем языке уже произошло — опираясь прежде всего на частотные ошибки взрослых в родном языке, в частности, те, которые представлены в Корпусе академического письма. Они составят материал настоящего исследования.

Мы покажем, что, во-первых, в соответствии с идеями А. Фрея, такие «ошибки» действительно следует рассматривать как маркеры нестабильных языковых зон, или очагов потенциальных языковых изменений в грамматике данного языка. И, во-вторых, что здесь корпус может дать стимул не только для новых лингвистических задач, но и для новых подходов к исследованию уже известной проблематики — например, сравнительных конструкций, о которых пойдет речь в этой статье.

2. Ошибки в сравнительных конструкциях

Степени сравнения заведомо входят в группу лидеров по количеству и разнообразию ошибок, особенно в устной речи, когда носители языка недостаточно контролируют свое языковое поведение. Мы остановимся на трех важных, на наш взгляд, и наиболее характерных отклонениях от грамматической нормы в этой области, см. типичные примеры вида (1–3).

(1) *Эти ноутбуки потребляли меньше энергии, но были **менее компактные** по объему.*

(2) *И прибыль от разрушения гораздо более заметна и быстра, **нежели чем** от строительства.*

(3) В русском языке семантический диапазон данного слова **чрезвычайно широк, нежели** в английском.

Во всех трех примерах норма, очевидно, нарушена: конструкция не соответствует правилам русского языка. Правильную конструкцию можно было, в духе теории Construction Grammar, описать, как это сделано в близкой по тематике работе [Haspelmath M., Buchholz 1998], в виде таблицы. Ее вертикальные входы обозначают переменные или постоянные (лексически фиксированные) места в конструкции, которые в следующей строке иллюстрируются конкретным языковым примером, см. Таблицу 1.

X	(COMP1A)	Q	(COMP1Ba)	(COMP2)	Y	(COMP1Bb)
ПРИБЫЛЬ ОТ РАЗРУШЕНИЯ 	БОЛЕЕ	ЗАМЕТНА 	-ЕЕ /-Е	ЧЕМ /НЕ-ЖЕ 	ПРИБЫЛЬ ОТ СТРОИТЕЛЬСТВА 	РОД.П

Таблица 1. Структура сравнительной конструкции на примере (2')

Нашим примером будет предложение (2) в исправленном и упрощенном варианте (2')

(2') *Прибыль от разрушения более заметна, **чем** прибыль от строительства.*

В нем две именные группы, соответствующие сравниваемым объектам: сравниваемый субъект X (*прибыль от разрушения*) и эталон для сравнения Y (*прибыль от строительства*). Они маркируют границы конструкции, все остальные ее компоненты всегда находятся между ними, в противном случае предложение теряет грамматическую правильность, ср.:

(2'') **Прибыль от разрушения **чем** прибыль от строительства более заметна / *более, чем от строительства заметна* и под.

Кроме того, в конструкции участвует признак Q, по которому сравниваются X и Y, а также два показателя сравнения: COMP1 и COMP2. Есть два варианта оформления COMP1.

Вариант А: COMP1 — это аналитический показатель — наречия *более* или *менее*, которые выступают в препозиции к признаку Q: *более / менее заметный*.

Вариант В: показатель сравнения встраивается в морфологическую структуру Q как особый суффикс *-ee/-e*, ср.:

более заметный (А) VS. *заметнее* (В).

При выборе синтетической формы прилагательного остальной состав конструкции может ничем не отличаться от аналитического варианта. Это случай (Ва):

заметнее, чем прибыль ~ *более заметна, чем прибыль*

Однако синтетическая форма может быть сопряжена с изменением падежа для эталона Y: с именительного на родительный. Это случай (Вb). Родительный падеж становится частью составного маркера сравнительной конструкции, построенной по модели COMP1B, показатель COMP2 с этим вариантом оформления не используется:

*заметнее (*чем) прибыли*

Как известно, распределение аналитической и синтетической форм нежестко — они варьируются, ср. следующие примеры из НКРЯ:

(4) *Ваша власть, когда вы отказываете, гораздо заметнее, чем когда разрешаете.* [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

(5) *Более заметен рост цен в нагорной части города.* [«Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.04.08]

Второй показатель сравнения COMP2 следует непосредственно за Q. Сам он всегда аналитический (основной вариант — союз *чем*) и может, как мы видели, использоваться как в паре с аналитическим COMP1 А, так и с синтетическим COMP1B, но только в варианте (а): падеж Y-а при нем никогда не меняется.

COMP2 тоже допускает варьирование: в современном русском языке, наряду с более частотным *чем*, используется и союз *нежели*.

Таким образом, с учетом описанной вариативности, есть по крайней мере пять возможностей, соответствующих семантике (2'), для оформления сравнительной степени:

(2a) *Прибыль от разрушения заметнее **прибыли** от строительства;*

(2b) *Прибыль от разрушения заметнее, чем **прибыль** от строительства;*

(2c) *Прибыль от разрушения заметнее, нежели **прибыль** от строительства;*

(2d) *Прибыль от разрушения более заметна, чем **прибыль** от строительства;*

(2е) Прибыль от разрушения более заметна, нежели **прибыль** от строительства.

Очевидно, что это конструкция, в которой должна происходить какая-то перестройка: она слишком громоздка, маркирование в ней избыточно (или два показателя, или один составной); вдобавок, оно высоко вариативно. Ясно, что говорящие будут пытаться уйти от такой сложной конфигурации, как-то упростив ее — этим и мотивированы ошибки, с которыми мы постоянно сталкиваемся в письменных текстах, интернете и устной речи: происходит поиск оптимального способа перестроить неудачную форму. Чтобы понять основные стратегии, по которым идет упрощение, вернемся к нарушениям нормы, представленным в предложениях (1–3) и последовательно рассмотрим их в сопоставлении с нормативным (2').

3. Стратегии ошибок

Стратегия 1 отражена в Таблице 2. Как видим, здесь реализуются обе типа COMP1 — сразу: и А, и В, т. е. и аналитический, и синтетический. Таким образом, первый показатель компаратива как бы удваивается, однако падежная маркировка Y не меняется:

X	COMP1A	Q	COMP1Ba	COMP2	Y	--
ПРИБЫЛЬ ОТ РАЗРУШЕНИЯ	БОЛЕЕ	ЗАМЕТНЕЕ	-ЕЕ /-Е	ЧЕМ	ПРИБЫЛЬ ОТ СТРОИТЕЛЬСТВА	--

Таблица 2. Ошибка первого типа: удвоение первого показателя

Такого рода примеров встречается необычайно много — собственно, знаменитое *более лучше*, широко обсуждавшееся в свое время в интернете и прессе, относится как раз к этому типу. Поражает лексическое разнообразие признаков, с которыми встречается удвоение первого показателя сравнительной степени — оно говорит об очень высокой продуктивности такой стратегии. Ср. следующие примеры из Яндекса:

(6) Рост объема продаж в секторе легковых авто в Москве на много **более заметнее, чем** в других регионах страны.

(7) <...> где вы видели, чтобы щенку или котёнку давали сладкий чай или соки — наверное природа **более умнее, чем** человек.

(8) А поскольку сладкая вода имеет более густую консистенцию, то и охлаждаться ей куда **более дольше, чем** обычной.

(9) <...> многие, наоборот, в зрелом возрасте выглядят куда **более красивее, чем** в юности.

(10) Черный цвет смотрелся как то **более естественнее, чем** на остальных, и картинка не блеклая.

(11) Компоненты табачного дыма делают кровь **более гуще, чем** обычно, и приводят к образованию тромбов.

Стратегия 2, напротив, связана с удвоением второго показателя компаратива — первый при этом, в принципе, может быть как аналитическим, так и синтетическим, но без дополнительного падежного маркирования Y:

X	(COMP1A)	Q	(COMP1Ba)	COMP2	Y	--
ПРИ- БЫ Р ШЕНИЯ	(БОЛЕЕ)	ЗАМЕТ- Н	(-ЕЕ /-Е)	НЕЖЕЛИ ЧЕМ	ПРИ- БЫЛ СТ ИТЕЛЬ- СТВА	--

Таблица 3. Ошибка второго типа: удвоение COMP2

Такие примеры встречаются в самых разных текстах, прежде всего, в новостных, но и в текстах академического характера, ср.:

(12)... ВТБ имеет гораздо меньшую системную значимость **нежели чем**, например, Сбербанк...

(13) Ведь как прогнозируют медики, детей с ДЦП в Волгоградской области будет больше, **нежели чем** еще пять лет назад.

(14) Интересно отметить, что несколько чаще используются глаголы, описывающие увеличение численности преступлений, **нежели чем** снижение преступной деятельности.

Любопытна история этого двойного союза (см. Розина 2014): данные НКРЯ показывают, что еще в XIX в. он функционировал как полноправный (см. ниже пример из Лескова) — и, еще более ранний, с вариативностью *нежели / нежели чем*, у Радищева:

(15) — *Что же, — говорю, — это гораздо разумнейше, нежели чем совсем плешкой остаться.* [Н. С. Лесков. Заячий ремиз (1894)]

(16) *Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, **нежели** сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимался более убранством, нежели чем другим.* [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790)]

Был вариант и с обратным порядком слов: *чем нежели*, ср. следующий пример как стилизацию:

(17) *Поклоны «от головы до сырой земли», «жив и здоров, чего и вам желаю», а где-то невзначай, неуместно влетится писателем: «Скучно, **чем нежели** допреже одному без семьи жить...»* [К. С. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск (1930)]

В XX в. двойной сравнительный союз был полностью вытеснен: остаются оба одиночных союза, с неясным распределением: *нежели* — скорее, в академических и бюрократических текстах, *чем* — более нейтральных и разговорных. Теперь, как видим, двойной союз возвращается, причем, судя по НКРЯ, в том числе и в разговорную речь, ср.:

(18) [№ 2, муж, 50] *Меньшими правами / конечно / обладает / **нежели чем** монарх / в свое время.* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Стратегия 3 принципиально отличается от первых двух. Там упрощение достигалось за счет того, что устранялся выбор способа оформления для показателя компаратива: выбирать становилось не нужно, потому что использовались одновременно оба варианта оформления. При этом конструкция действительно становилась проще в употреблении — но длиннее.

Ясно, что должна быть и другая возможность упрощения: наоборот, через редукцию хотя бы одного из показателей — и она реализуется в стратегии 3. Редуцируется первый маркер компаратива, со сложной дистрибуцией, и остается только второй, причем по-прежнему допускается вариативность *чем / нежели* (см. Таблицу 4).

Интересно, что возможность такой редукции возникает только в контексте интенсификатора — в примере (2') это *чрезвычайно*, но, как следует из следующих ниже примеров, лексические интенсификаторы могут быть и другими — в частности, *очень* или *слишком*.

X	INT	Q	--	COMP2	Y	--
ПРИ- БЫЛ ОТ РА- ШЕНИЯ	ЧРЕЗВЫ- ЧАЙНО	ЗАМЕТ- НА	--	ЧЕМ /НЕ- ЖЕ	ПРИ БЫЛ СТРО- ИТЕЛЬ- СТВА	--

Таблица 4. Стратегия 3: редукция COMP1

(19) Разница в состоянии и настроении малыша стала **очень заметна, чем** было до операции.

(20) а вот Реал я думаю по уровню игры на данный момент **очень хороши, нежели** Ювентус...

(21) влага в центре держится **слишком долго, нежели** сверху и по краям.

(22) Реально нет, нет сил отвечать всем, улыбаться, смеяться, это продлилось **слишком долго, чем** я планировал.

Таким образом, третья стратегия использует интенсификатор как дополнительное средство маркирования сравнительной конструкции, не свойственное ей изначально. Откуда берется эта идея у носителей языка?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, обратим внимание на тот факт, что подобные конструкции, вообще говоря, широко распространены в языках мира. Наиболее типично для ~~таких конструкций~~ использование минимальной морфологической техники: основание для сравнения выражается обычным предикатом без дополнительных показателей, а маркер сравнительной степени — глаголом типа ‘превосходить’, содержащим идею интенсивности (тип ‘дерево высокое превосходит дом’ = ‘дерево выше дома’). Такие конструкции обычно считаются разновидностью сериальных (ср., например, Aikhenvald & Dixon 2006) и засвидетельствованы почти во всех ареалах, где имеется глагольная сериализация (в частности, в языках Юго-Восточной Азии, Западной и Центральной Африки и др.). Такой способ выражения компаратива заставляет задуматься: ведь в принципе, в определенной степени ~~этот~~ смысл содержит и русский показатель COMP1 *больше*, так что сам по себе такой способ его передачи не так уж экзотичен, а в каком-то смысле семантически очень естествен.

Другое соображение касается сравнения «дублирующей» и «редуцирующей» стратегий перестройки конструкций. Получается, что техника удвоения маркера, в общем, тоже сродни интенсификации, только в одном случае интенсификатором служит «готовый» аналитический показатель компаратива, дополнительный по отношению к синтетической форме, а в другом — в конструкцию встраивается не свойственный ей интенсификатор как таковой, с более прозрачной семантикой.

И, наконец, третье: удвоение маркеров (в нашем материале — COMP1 и COMP2 соответственно) — как известно, стандартное поведение интенсификов, у которых со временем ослабляется, стирается исходная семантика (вспомним известный цикл Есперсена). Такой путь уже прошла превосходная степень: еще недавно плеонастическая форма *наилучший*, как и ее аналитический аналог *самый лучший* считалась грамматически неправильной. Теперь эти запреты не действуют: в сегодняшнем узусе приемлемо даже *самый наилучший*.

(24) *Самый могучий, самый наилучший, ничего не скажешь — молодец!* [Комсомольская правда, 2010.12.01]

Ср., однако, и гораздо более старые примеры, в которых встречается эта форма — из Мельникова-Печерского, Золотницкого; см. из НКРЯ:

(25) *Почему нельзя не признаться, чтоб сей способ, то есть, добрый пример, для воспитания детей не был самый наилучший.* [архиепископ Платон (Левшин). Слово о воспитании (1765)].

Более того, саму форму *более лучше* позволял себе в живом, разговорном стиле письма ...И. А. Гончаров:

(26) *Письмо к Г. Божерянову — написано очень живо, бойко и куда более лучше письма к дежурному офицеру и Дежурной палатки!* [И. А. Гончаров. Письма великому князю Константину Константиновичу (1888)]

Все сказанное означает, что интенсификатор можно рассматривать как маркер русской сравнительной конструкции, и возникает он не случайно, а в согласовании с внутренней семантикой, которой мотивируется ее дальнейшее развитие.

4. Сравнение и интенсификация: другие ошибки

Связь русской конструкции сравнения с интенсификацией можно проследить и по так называемому эритажному подкорпусу, о котором мы уже говорили. Эритажные носители тоже чувствуют себя неуверенно при построении русской сравнительной степени: на 340 тыс. словоупотреблений в нем встретилось 104 «ошибки» на сравнительные конструкции, причем не кальки.

Они касаются в основном сравнительной степени наречий и распределяются по двум основным типам: (1) «ошибки» в интенсификаторах и (2) в выборе наречий

(1) «Ошибки» в интенсификаторах

Оказывается, дополнительные интенсификаторы сравнения довольно частотны в обыденной речи. В этом качестве используются:

- частица *всё* (*всё яснее*),
- эффект удвоения (*постепенно дела шли (всё) лучшие и лучшие*),
- наречия *гораздо*, *много*, *наиболее*, *еще*,

ср. следующий пример из корпуса с помеченной звездочкой ошибкой и правильной конструкцией в скобках:

(27) *Война на Дальнем Востоке — это не только различие политических взглядов России и Японии, не поделивших территорию на Востоке, это что-то *намного больше (гораздо худшее / много большее / много более сложное).*

Надо сказать, что интенсификаторы — это область, промежуточная между словарем и грамматикой, формат их описания не определен. В словаре фиксируются только значения самих этих единиц, но не правила поведения соответствующих конструкций. Грамматика же регистрирует общие правила выражения обязательных значений, в том числе сравнительной степени, но там не предусмотрена возможность регистрации всех лексических расширителей конструкций, да еще с учетом взаимодействия с контекстом. Поэтому где должны оказаться правила употребления дополнительных интенсификаторов — неясно, и их нет ни для сравнительной, ни для превосходной степени, хотя, как мы теперь видим из анализа корпусных данных, как раз они вызывают большие трудности у нестандартных говорящих. Ср., например:

(28) *На педагогический факультет подают *само меньше заявлений а без педагогов, школы и университеты не могут существовать* (вместо: *больше всего*).

(2) «Ошибки» в выборе наречия

Неправильный, с точки зрения канонической грамматики, лексический выбор наречия в корпусных примерах обусловлен тем, что с семантической точки зрения, все эти наречия, в сущности, оказываются квазисинонимическими лексическими функциями (в терминологии Московской Семантической Школы) с общим значением интенсификации или аттенуатива, ср. следующие пары примеров с близким значением:

(а) *Человек там **больше** зависит от другого человека, чем от Бога, человек там закрывает собой Бога, и о Нем забывают.* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)]

(б) *Он беззащитнее других, он **сильнее** зависит от окружающих, его внутренний мир более раним.* (http://bigbilet.ru/place/lateatr/afisha/svobodnaya_lubov?ev=03B76C80E0740C2FE0504B5E01F54B73, интернет-форум, обсуждение спектакля «Свободная любовь» от 3 января 2014)

(а/б) *Но в данном случае этот прием **чаще** / **больше** отвлекал от сюжета, чем помогал ему раскрыться.* [«Театральная жизнь», 2003.08.25]

(а/б) *Постепенно глазное пятно ещё **глубже** / **больше** вдавливалось в эпитетий.* [Знание — сила», 2003]

В такой ситуации неуверенными говорящими, к которым относятся эритажные носители, выбирается композициональная стратегия, см. подробнее [Выренкова и др. 2014]: как правило, они используют лексему с самой общей семантикой и самой свободной сочетаемостью — это наречие *больше* (*меньше*). Между тем, грамматически правильная замена контекстно связанного наречия на семантически генерализованные *больше* или *меньше* возможна далеко не всегда, и правила в этой зоне пока не прояснены. Ср. следующий пример из нашего корпуса:

(29) *В России человек ***больше** (! **чаще**) считается расистом из-за действий*

5. Адъективные и адвербиальные сравнительные конструкции

Как мы уже говорили, большинство ошибок на сравнительную степень делается при выборе наречий, а не прилагательных: выбор прилагательного почему-то не вызывает сомнений. Дело в том, что в адъективной конструкции действительно важна семантика признака, по которому сопоставляются объекты, а в адвербиальной конструкции, как правило, собственно признак не так важен: как мы только что видели, о многих случаях он имеет общее значение интенсификации. Трудность в том, что при разных предикатах интенсивность выражается разными наречиями — именно в этом уже фразеологизованном распределении, хорошо известном носителям, и ошибаются эритажные говорящие.

Это обстоятельство имеет свои причины и свидетельствует о противопоставлении наречных (адвербиальных) и адъективных конструкций сравнения. Надо сказать, что в авторитетных грамматических описаниях (АГ 80, Князев 2007, Санников 2008 и др.) принято рассматривать адвербиальные сравнительные конструкции в одном ряду с атрибутивными, как подчиняющиеся одним и тем же канонам. Кажущийся структурный параллелизм между адъективными и адвербиальными иллюстрируют следующие примеры из НКРЯ:

(30) Атрибутивная:

X СОМР ЧЕМ\НЕЖЕЛИ Y

Правительство в этом вопросе считает, что эволюция лучше, чем революция. [А. Чудодеев.//«Итоги», 2003.02.04]

(31) Адвербиальная:

V1 СОМР ЧЕМ\НЕЖЕЛИ V2

Мы лечили лучше, чем лечат в Америке. [В. Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)]

Между тем, данные того же корпуса показывают, что в подавляющем большинстве случаев адвербиальная «двухчастная» конструкция сравнивает не две разные ситуации (т.е. два разных предиката — по аналогии с адъективной, сопоставляющей два имени по одному признаку), а варианты одной и той же. Собственно, это видно уже из приведенных только что примеров: в адъективной конструкции имена разные (*эволюция* и *революция*), а в адвербиальной предикат один и тот же (*лечить*). В определенном контексте можно

представить и что-то вроде: мы *лечили лучше, чем чинили машины / пели / шили* / и под., но ситуативный контекст для оправдания такой структуры должен быть достаточно причудлив, так что она встречается редко¹.

Часто встречаются адвербиальные конструкции, в которых сравниваемая ситуация имеет измененный по сравнению с эталоном набор участников или представлена в другом временном, пространственном или модальном плане. Новые участники требуют обязательного поверхностного выражения (ср.: *Петя поет лучше, чем Вася*) — новые обстоятельства, хотя семантико-синтаксический статус их столь же обязателен, как и у прочих участников, могут и не быть выражены поверхностно, если сравнение идет с настоящим моментом или уже упомянутым прошедшим. Ср. (a-b) как типичные контексты такого рода:

(a) TEMP/LOC: *Петя играет лучше* <чем Петя же — в другом месте или времени: *тогда, там ...* >

(b) MOD: *осталось меньше, чем хотелось бы*
стало хуже, чем могло бы

С теоретической точки зрения примеры типа (a) не представляют трудности, в них действительно есть сходство с адъективными контекстами, в частности, допускается экспликация эталона непосредственно внутри клаузы (*чем вчера*) или анафорическая (*прошлый раз сыграл неудачно — сейчас играет лучше* <чем *прошлый раз*>).

Сложнее устроены модальные примеры, которые рассматривают сравниваемое событие целиком, приписывая ему некоторую оценку в сопоставлении с эталоном. Те, что приведены в (b), двухчастны, их части анафорически связаны, и эталоном оказывается гипотетическое событие, которое в обоих случаях в худшую сторону от-

¹ Вообще говоря, адвербиальная сравнительная конструкция, как и адъективная, не предусматривает никаких ограничений на сравниваемые объекты и события. Любопытно, что на самом деле, по-видимому, некоторые типы сравнения просто невозможны: сравнивается только подобное: трудно представить себе предложение типа **мы лечили лучше, чем ходили в поход*. Такого рода ограничения до некоторой степени описаны для метафор – сравнения на метафоры похожи, но не совсем, так что поиск ограничений такого рода на богатом корпусном материале должен дать любопытные результаты.

личается от сравниваемого: несвершившееся, как правило, лучше реального. Ср.:

*осталось меньше, чем хотелось бы, <чтобы осталось>;
стало хуже, чем могло бы <быть>.*

Впрочем, гипотетическое событие может само быть объектом сравнения с некоторым эталоном, тоже не выраженным поверхностно. Речь идет о дейктических употреблении, в которых эталонное событие связано с настоящим моментом. Естественно, в этом случае эталон никак не выражен, он вводится косвенно, сравнительной степенью в контексте специальных лексико-грамматических показателей, прежде всего:

модальных глаголов, как в: *хочу **глубже** узнать <чем знаю сейчас>*,
сослагательного наклонения, как в: *который бы **лучше** соответствовал <чем тот, что сейчас>*,

целевого придаточного, как в: *чтобы **поменьше** зависеть <чем завишу сейчас>*.

Общая семантика здесь та же: гипотетическое событие лучше настоящего, которое, однако, поверхностно не выражено и служит точкой отсчета для общей оценки, т. е. эталоном.

6. Стертая семантика — новые ошибки

Все сказанное свидетельствует о том, что адвербиальная сравнительная конструкция устроена особенным образом. Семантически в ней, как мы видели, может и не быть (и часто не бывает) сравнения двух разных событий, а только усиление или ослабление выбранной ситуации, как правило, связанное с ее оптимизацией (или — деградацией).

Именно этим объясняются ошибки, связанные с выбором наречия, которые мы обсуждали в разделе (4), но и ошибки другого типа. Действительно, если нет сравнения как такового, это может способствовать грамматикализации и лексикализации наречий — они преобразуются в маркеры времени или дискурсивные слова. Понятно, что ход и направление этих процессов зависит от их исходной семантики. Лексикализованные маркеры времени возникают из дейктических наречий: *ранее, позднее, позже, раньше*; грамматикализованные дискурсивные слова — в первую очередь, из оценочных, ср.: *точнее, вернее, скорее, скорее всего*.

Правила их распределения не описаны (хотя среди них много квазисинонимов, ср. *позднее / позже, точнее / вернее* и др.). Конечно, для носителей языка они совершенно не нужны, потому что носители хорошо владеют сочетаемостными ограничениями частотных грамматикализованных или лексикализованных единиц, а вот эритажные говорящие (или студенты РКИ) испытывают понятные трудности при употреблении этих «стертых» наречий. Вот примеры характерных ошибок из нашего корпуса:

(32) *Во время нападения Наполеона на Москву (1812) пострадал и медицинский факультет МГУ <...> Позже <! позднее> он был приведен в полный порядок.*

(33) *Как я сказал раньше <! ранее>, я считаю себя гражданином мира.*

(34) *Пакт Периха имеет образовательное назначение, и, <! что> важнее, художник пытался развить международные отношения через понятие культуры.*

Заключение

Традиционно считается, что для русского языка проблематика компаративной конструкции, которую мы выбрали здесь примером, не входит ни в какое сравнение по степени сложности ни с наклонением, ни с аспектом. Собственно, русская сравнительная конструкция давно и профессионально описана, см. АГ-1980, Князев 2007, 2011, см. также Воротников 1999 и др. Тем не менее, на многие из вопросов, которые мы задали в этой статье, проанализировав ошибки обычных и эритажных носителей, ответов нет. Не потому, что это слишком сложные вопросы, которые требуют значительных новых исследований, а потому, что далеко не все они сформулированы и осознаны как лингвистические задачи. Мы выбрали иной угол зрения — корпусное описание и другой инструмент поиска — корпуса ошибок — и эти задачи стали видны:

- Определение стратегий перестройки конструкции, из которых здесь мы остановились только на трех;
- Изменение в синхронии и диахронии (*чем нежелел и нежелел чем*);
- Распределение сравнительных союзов *чем* и *нежелел*;
- Синтетическая и аналитическая формы сравнительной степени: есть ли дистрибуция?

- Генитив как часть сравнительного маркера (в сопоставлении с союзом *чем*);
- Значимость компонента интенсификации в семантике русского компаратива;
- Семантика и распределение дополнительных интенсификаторов (*всё, гораздо, еще* и др. под.);
- Роль удвоения в сравнительной конструкции (*хуже и хуже*);
- Адъективная и атрибутивная конструкции;
- Дейктичность адвербиального сравнения;
- Связь интенсификации и оценки в контекстах модального сравнения;
- Развитие дискурсивных слов из сравнительных наречий (*точнее, вернее...*);
- Семантика производных наречий в парах типа *позднее / позже* и *ранее / раньше*
- Семантические границы сравнения: почему не говорят **мы лежали лучше, чем ходили в поход*

Уже из этого предварительного списка видно, сколько еще предстоит сделать, чтобы получить полное представление о семантико-синтаксической специфике русских конструкций сравнения. Ошибки — это важный объект исследования, расширяющий наши лингвистические горизонты.

Литература

АГ 1980 — Русская грамматика. / Н. Ю. Шведова (ред.). М.: Наука, 1980.

Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник. 1999.

Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания, 2014, № 3, 3-19.

Гловинская М. Я., Галанова Е. И., Ермакова О. П., Занадворова А. В., Земская Е. А., Какорина Е. В., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.,

Крысин Л. П., Кузьмина С. М., Розина Р. И. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

Князев Ю. П. Сравнительная степень. Для проекта «РусГрам». 2011

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок. В поисках констант // Язык, константы, переменные. Памяти А.Е. Кибрика. СПб, Алетея, 2014. С. 87-95.

Розина Р. И. Активные процессы в современной русской речи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 221-234.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013.

Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н.В. Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Сборник по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», вып. 7 (14), М.: РГГУ, 2008. С. 488-495.

Фрей А. Грамматика ошибок. Комкнига, 2006.

Aikhenvald, A. and Dixon, R. (eds.). Serial verb constructions: a cross-linguistic typology. Oxford: OUP, 2006.

Haspelmath, Buchholz. Haspelmath M., Buchholz. O. Equative and simulative constructions in the languages of Europe. // van der Auwera (ed.) Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology / EUROTyp, 20-3). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277-334.

Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki, 2010.

Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. Language and Linguistics Compass 1(5). 2007.

Protassova E., Korneev A. Санкт-Петербургская школа онтолингвистики. К юбилею доктора филологических наук профессора С.Н. Цейтлин. / Т.А. Круглякова (отв. ред). СПб: Златоуст, 2013. С. 201-211

^{1,2}**Ekaterina V. Rakhilina**

¹*National Research University "Higher School of Economics"*

²*Vinogradov Russian Language Institute*

of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

rakhilina@gmail.com

RUSSIAN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE ASPECT OF ERROR GRAMMAR

The paper considers the errors characteristic to the usage of the Russian comparative construction in the theoretical and typological perspective. The research uses the data of the Academic writing corpus and the Russian Learner Corpus containing texts of Russian as foreign language speakers. The “weak points” and “growth points” of the construction are detected. It is demonstrated that the variations and the deviations from the norm registered in the corpora and other resources are quite predictable. They simplify the Russian comparative construction into the other typologically relevant patterns.

Key words: comparative constructions, grammatical norms, error grammar, the Russian as a foreign language, the Russian Learner Corpus, heritage Russian

References

Aikhenvald, A. and Dixon, R. (Eds.). *Serial verb constructions: a cross-linguistic typology*. Oxford, OUP, 2006.

Frei A. *Grammatika oshibok* [Error Grammar]. Komkniga Publ., 2006.

Glovinskaya M. Ya., Galanova E. I., Ermakova O. P., Zanadvorova A. V., Zemskaya E. A., Kakorina E. V., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., Krysin L. P., Kuz'mina S. M., Rozina R. I. *Sovremennyyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX-XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of XX-XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008.

Haspelmath Buchholz. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. van der Auwera (ed.) *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical

Approaches to Language Typology / EURO TYP, 20-3). Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277-334.

Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive*. [Grammatical semantics. Russian language in a typological perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007.

Knyazev Yu. P. *Sravnitel'naya stepen'. Dlya proekta «RusGram»* [The Comparative degree. For "RusGram" project]. 2011.

Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. *Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian*. Helsinki, 2010.

Polinsky M., Kagan O. *Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom*. *Language and Linguistics Compass* 1(5). 2007.

Protassova E., Korneev A. *Sankt-Peterburgskaya shkola ontolingvistiki. K yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora S.N. Tseitlin* [The St. Petersburg school of ontolinguistic. To the anniversary of Doctor of philological Sciences, Professor S. N. Zeitlin]. T.A. Kruglyakova (ed.). St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2013, pp. 201-211.

Rakhilina E. V. [Error Grammar. Searching the constants]. *Yazyk, konstanty, peremennye. Pamyati A.E. Kibrika* [Language, constants, variables. In Memory of A. E. Kibrik.]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2014, pp. 87-95. (In Russ.)

Rozina R. I. [Active processes in modern Russian speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Issue 2. Moscow, 2014, pp. 221-234. (In Russ.)

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka* [Anthropocentric Elements of Russian grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow, Nauka, 1980.

Stepanova S. B., Asinovskii A. S., Bogdanova N. V., Rusakova M. V., Sherstinova T. Yu. [Sound corpus of everyday communication "One speech day": concept and state of formation]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Sbornik po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies. Collection of proceedings of the annual international conference "Dialogue"]. Issue. 7 (14), Moscow, RSUH

Publ., 2008, pp. 488-495. (In Russ.)

Voeikova M. D. *Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka* [Early stages of children's mastering the nominal morphology of the Russian language]. Moscow, 2011.

Vorotnikov Yu. L. *Stepeni kachestva v sovremennom russkom yazyke* [The degree of quality in the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999.

Vyrenkova A. S., Polinskaya M. S., Rakhilina E. V. [Error Grammar and Construction Grammar: "Heritage" ("inherited") Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2014, no. 3, pp. 3-19. (In Russ.)